

## ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

### МОЕ ОПРЕДѢЛЕНІЕ ВЪ СЛУЖБУ.

#### ЧАСТЬ 3, ШУВАЛОВЪ.

*Ducite Nymphae choros, et amor nunc dormit et aequor.*

1. Дорога была загружена и шумна проѣздами день и ночь. Но я не имѣлъ въ ней никакой трудности. Порожніе ящики, спѣша въ обратный путь, на захватъ меня брали. Вездѣ по станціямъ были готовы хорошіе столы. Я проѣхалъ скоро и выгодно Тверь, Валдай, Новгородъ и Петербургскій шлагъ-баумъ. Караванный офицеръ взялъ у меня подорожную, заставилъ отыскать мой аттестатъ въ сундукѣ, объявилъ, что я получу его во дворцѣ у военнаго губернатора, графа Буксгевдена, и шлагбаумъ зазвенѣлъ цѣною въ десять часовъ утра. Вотъ и Обуховъ мостъ, и Сѣнная, и Гостинный дворъ. Кибитка остановилась у дому.

2. Швейцаръ изъ сѣней отворилъ мнѣ дверь. Я взомель по лѣстницѣ, какъ ѣхалъ дорогой, въ большую переднюю съ офиціантами. Старшій понесъ мое письмо, и вышедъ проводилъ меня, черезъ середній чистый дворъ; отвелъ мнѣ двѣ готовыя комнаты во второмъ этажѣ длинной постройки, окнами въ Садовую, и привелъ ко мнѣ слугу. Кладъ мой внесена. Я спѣшилъ одѣться, чтобъ явиться у княгини. — На сборахъ моихъ навѣстилъ меня молодой секретарь Шувалова. Отъ него я узналъ, что и Шуваловъ живетъ въ этомъ же домѣ, въ Москву не выѣзжалъ и не поѣдетъ. Скоро за тѣмъ видный офиціантъ пришелъ объявить мнѣ, что его высокопревосходительство меня ожидаетъ, и проводилъ меня въ комнаты на его половину. — А княгиня? — Она тамъ. — Выходя по лѣстницѣ въ мундирной моей формѣ и парадной шубѣ, я по-

чувствовалъ гармоническое движеніе въ груди моей. Предстатель музъ, твердый изъ дѣтства! Вѣковой вельможа, извѣстный свѣту! Я его увижу. — Въ аванзалѣ, окнами на Проспектъ, одѣтой по стѣнамъ сверху до низу портретами, два камерлакея, а къ дверямъ гостиной еще огромный старый камерлакей и низенькій сухой старичокъ въ черномъ кафтанѣ. Они указали дверь гостиной.

3. Впечатлѣніе всего такъ слилось во мнѣ, что и здѣсь сладки для меня его подробности. Свѣтлая угловая комната, на востокъ и полдень о шести или семи окнахъ; тамъ на лѣво, въ большихъ креслахъ у столика, окруженный лицами, сидѣлъ маститый, бѣлый старикъ, сухощавый, среднебольшаго росту, въ свѣтлосѣромъ кафтанѣ и бѣломъ камзолѣ. Разсыпанные при входѣ глаза я вперилъ въ него, подойдя мѣрно съ поклономъ, произнесъ только свое имя и нѣсколько отступилъ, съ чувствомъ какой-то радости. — Я васъ знаю, сказалъ онъ съ кроткою важностію, и перемѣня видѣ: вы обидѣли мой Университетъ. — Я смѣшался, потупивъ глаза. — Вы забрали у меня столько медалей, сказалъ онъ умильно звонкосеребреною рѣчью. — Сердце мое вздрогнуло, и взоръ освѣжился. — Все ли хорошо у васъ? — Мы.... всѣ... благодаримъ, ваше высокопревосходительство. — Это вырвалось у меня со всею силою чувствъ; и онъ, казалось, замѣтилъ. Но въ стоящей подлѣ него штатсдамъ, и на его похожей, угадывая княгиню, я поспѣшилъ подойти къ ней съ поклономъ. — Сынъ мой пишетъ объ васъ; онъ ожидаетъ Ивана Ивановича. — Такъ онъ говорилъ мнѣ. — Часто ли князь бываетъ въ Университетѣ? спросилъ Шуваловъ. — Мы его видимъ всякую недѣлю. — Вы откуда родомъ? — Изъ Переяслава; — я не хотѣлъ сказать изъ Малороссіи. Что послѣ говорено было и какъ вошло въ разговоръ общій, какъ на меня глядѣли прочія лица, кромѣ улыбки ихъ при начальной шуткѣ, не помню. Это были, какъ я послѣ узналъ, молодая круглая дама, дочь княгини, графиня Варвара Николаевна Головина, мужъ ея, графъ Николай Николаевичъ Головинъ, плотный мужчина среднихъ лѣтъ, дочь ихъ на подростѣ (домъ ихъ о стѣну), домовый докторъ Кирило Каменецкій, сочинитель Сельскаго лечебника съ весьма незабытымъ малороссійскимъ языкомъ, и директоръ Банка Перепечинъ. А на дверной стѣнѣ противъ оконъ, въ золотой

рамъ портретъ Шувалова, во весь ростъ, какъ лѣтъ тридцати пяти, въ формѣ своего вѣка, свѣтлаго колорита, мыслящій, кажется, съ письмомъ или бумагою въ рукѣ.

4. Двери растворились ; объявлено, что столъ готовъ. Я не успѣлъ сдѣлать сумнительный видъ, что хочу откланяться, княгиня сказала мнѣ: обѣдайте съ нами. На переходѣ въ столовую, графиня спросила меня: вы здѣсь будете служить? — Я съ тѣмъ пріѣхалъ. — Графъ, сѣвши за столъ, сказалъ разсѣянно: дорога должна быть дурная! — Избита пробѣздами. — Шуваловъ сидя въ головахъ стола, при общемъ разговорѣ, раза два обращалъ ко мнѣ рѣчь. А отъ стола, на мой поклонъ, ласково сказалъ мнѣ: обѣдайте всегда у меня. Княгиня прошла съ прочими на свою половину, въ большую гостинную, съ мраморнымъ каминомъ. Я проводилъ Шувалова до портретной и вышелъ. Видомъ и рѣчью онъ былъ довольно бодръ, слабъ ногами.

5. Мнѣ надобно было отправиться съ извозчикомъ въ Зимній Дворецъ. Пройдя отъ подъѣзда съ большой площади, по длиннымъ, огромнымъ коридорамъ и всходамъ, спрашивая у караульныхъ на поворотахъ, куда къ Военному Губернатору, у свѣтлой, парадной лѣстницы на третій или четвертый этажъ, я оставилъ караульному свою шубу, обѣщая поблагодарить его; но взшедши, долго еще путался, пока не вошелъ въ переднюю; и тогда только пожалѣлъ, что не въ шубѣ прошелъ. Караульный можетъ быть смѣненъ, и я не найду ее. Тщетно я опирался на законъ о строгой честности при Дворѣ; сумнѣніе оставалось. — Я объявилъ о себѣ адъютанту. Онъ, отыскавши мои бумаги въ канцеляріи, пошелъ съ ними въ залу, и въ полномъ парадѣ, спросилъ меня, зачѣмъ я пріѣхалъ, гдѣ остановился, гдѣ буду жить? и развернулъ мой печатный аттестатъ, близъ меня къ окну на Неву, читалъ, а ходившій съ нимъ по залѣ широкоплечій, съ большимъ лицомъ, въ мундирномъ сюртукѣ, глядя изъ-за плеча ему тоже въ аттестатъ, протяжно заговорилъ: — тьфу, братецъ, да мы съ тобою оба дураки передъ нимъ! — Чтобъ отразить или смягчить сарказмъ, я сказалъ почтительно: всякому свое, какъ было на памяти свѣжо начало изъ Римскихъ правъ: *neminem laede, suum cuique tribue*. Онъ оглядѣлъ меня вопросными глазами. Это былъ

извѣстный въ вѣкъ Екатерины, какъ адъютантъ мнѣ по выходѣ моемъ сказалъ, бывшій оберполицмейстеръ и потомъ генераль-губернаторъ, Николай Петровичъ Архаровъ. Аттестатъ мой свернуть и мнѣ отданъ. Я вышелъ, сбился было въ коридорахъ, со страхомъ о шубѣ; но попалъ на слѣдъ, и въ цѣлости нашель ее.

6. На другой день къ обѣду я пришелъ въ 12 часовъ. Тѣ же придворные камерлакеи. Изъ нихъ третій, огромный старикъ, извѣстный въ проѣздѣ Шувалова по Швейцаріи, и старичокъ, Французъ Бернаръ, бывшій его камердинеръ, оба на пенсіи, за столикомъ у дверей гостиной, вѣчное ихъ мѣсто, играли свой пикетъ. Въ гостиной у Шувалова былъ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, который недавно, посредствомъ его, изъ членовъ коммисіи училища опредѣленъ въ Сенатъ 3-го департамента оберъ-прокуроромъ. — Вотъ мой питомецъ, сказалъ Шуваловъ; это мои дѣти; вамъ его поручаю. Я поклонился обоимъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ тотъ уѣхалъ. — Сегодня вечеромъ я васъ отправлю съ моимъ писмомъ къ князю Куракину, сказалъ мнѣ Шуваловъ; Осипъ Петровичъ представитъ васъ. Великій поклонъ отъ всей судьбы моей. — Вошелъ секретарь его, и пока онъ имѣлъ надобность переговорить о чемъ, чтобъ отъ того себя отвлечь, я замѣтилъ на столѣ у окна книгу, большой осьмушки, въ красномъ сафьянѣ съ позолотою; книга рукописная, сочиненія Державина, съ вынѣтами; я перебиралъ ее. «Это я заставилъ Державина», сказалъ Шуваловъ, отпустивъ секретаря, «собрать свои сочиненія; столько лѣтъ «пишетъ; порознь печатныя рѣдки; инымъ охотникамъ и не всѣ «извѣстны. Я хочу напечатать ихъ въ Университетѣ.» Пошла рѣчь о свойствахъ нашей поэзіи отъ Ломоносова. Чтобъ изясниться болѣе, я прибавилъ къ тому вліянія климата отъ цвѣтовъ до Поэзіи, и разность красоты чувствъ отъ красоты воображенія. Такъ было до обѣда.

7. Вечеромъ меня позвали къ нему, и я зналъ зачѣмъ. У него былъ уже Козодавлевъ. Онъ отпустилъ меня съ нимъ, поручивъ мнѣ писмо. — Въ большомъ Четеринскомъ домѣ, у Полицейскаго мосту на лѣво, въ полной залѣ, я представленъ князю Куракину, и подалъ ему писмо. — Я получилъ уже свѣденія объ васъ, сказалъ онъ сахарнымъ языкомъ; Иванъ Ивановичъ такъ пишетъ объ

васъ, что мнѣ очень пріятно имѣть такихъ людей въ службѣ. Еще вопроса два, и я переданъ на свое мѣсто по сенатской части. — Такъ началась моя новая жизнь и моя служба, числимая отъ 3 февраля 1797 г., съ ея производствами и перемѣнами (1).

8. Скоро князь началъ тоже собираться къ отъѣзду въ Москву; и назначенный быть въ штатѣ съ нимъ экспедиторъ, отъ имени его потребовалъ у меня записки, кого можетъ онъ еще вызвать въ канцелярію свою изъ Университета, человѣкъ на шесть. Изъ нихъ вошли четыре, прочіе два поступили на другія мѣста. За то новыхъ князь принялъ четырехъ. — Только въ 1767 году, взято было изъ университета двадцать пять человѣкъ въ комиссію сочиненія новаго уложенія, о чемъ рассказывалъ мнѣ въ Воронежѣ изъ того числа служившій послѣ при князѣ Потемкинѣ, почтенный помѣщикъ статскій совѣтникъ Илья Николаевичъ Дебольцовъ, который по Университету съ моего пріѣзда братски меня принялъ. — Но отъ того времени едва ли былъ годъ подобный 1797-му, чтобъ разомъ столько вышло изъ университета по разнымъ начальствамъ.

9. Не нужно говорить, сколько я принесъ Шувалову моей чувствительности. Допустимъ здѣсь съ обѣихъ сторонъ чтонибудь изъ того, что лежитъ глубже съ сердцѣ человѣческомъ. Я прожилъ въ домѣ его семь или восемь дней; въ нихъ пятымъ былъ Воскресный день. Изъ угловой гостиной ведетъ на лѣво боковой выходъ въ кабинетъ, оттуда жилия его комнаты, окнами на дворъ, а прямо вдоль Садовой улицы длинная галерея съ библіотекою. За нею своя домовая Церковь. Общій ходъ въ Церковь по особой лѣстницѣ со двора, откуда приходятъ сторонніе. Для нее свой сановитый дьячекъ поетъ и читаетъ Малороссійскою рѣчью. Шуваловъ у правой стороны Церкви большою частию сидѣлъ въ креслахъ съ подосланнымъ ковромъ. Я замѣтилъ уже съ первыхъ дней, что онъ и у себя съ кѣмъ бы что ни говорилъ, по временамъ, какъ будто остановясь на какой мысли, крестился у груди малымъ тройственнымъ крестомъ; то же было и въ Церкви очень часто. Говорили, что это давняя его привычка; другіе прибавляли, что онъ принималъ ее, вышедъ изъ вѣка вольнодумства. — Переходя на

новое житье, я отблагодарилъ его и княгиню. Они дали мнѣ любезный завѣтъ, по Воскресеньямъ слушать обѣдню и обѣдать у нихъ. Я исполнялъ его, кромѣ отступленій по ненастной погодѣ, или стороннимъ отлучкамъ.

10. Тамъ я видѣлъ много почетныхъ лицъ, которыхъ можно назвать рядовыми, нѣсколько видѣлъ замѣчательныхъ. Всѣ они бывали въ полдни, и почти всѣ визитно. Изъ послѣднихъ упомяну здѣсь, что было ближе:

1. Гаврило Романовичъ Державинъ. Я видѣлъ его тамъ два раза. Упомянутую книгу сочиненій его, съ первыхъ моихъ дней Шуваловъ позволилъ мнѣ взять на время. Потомъ она дѣйствительно отправлена въ Университетъ для напечатанія. Корректуру авторъ поручилъ Карамзину, тогда жившему въ Москвѣ. Говорили, что на предложеніе Карамзина, не разсудить ли переимѣнить чего по мѣстамъ, онъ отъ того отказался. — А въ 1802 году, когда учреждены министерства, и Державинъ поступилъ министромъ Юстиціи, онъ призвалъ меня служить въ его департаментъ. Изъ валовыхъ моихъ работъ у него было, по его проекту и запискамъ составленіе устава Третейскаго совѣстнаго суда. По дѣламъ, если онъ переимѣнялъ когда свои мысли, то весьма часто возвращался на первую. Въ архивѣ моемъ остаются черновые бумаги съ его приписками и отмѣтками. Службы моей при немъ было четыре мѣсяца; и къ сожалѣнію переимѣна ея произошла въ такое время, когда въ спорѣ его по дѣлу съ Г. С. П. извѣстно ему стало, что я принималъ сторону послѣдняго, которая и въ общемъ мнѣніи была оправдана.

2. Иванъ Ив. Дмитріевъ, съ которымъ черезъ годъ я лично познакомился. По отставкѣ изъ гвардіи съ чиномъ полковника въ началѣ 1797 года, при учрежденіи въ день коронаціи акта о наслѣдствѣ и департамента Удѣловъ апрѣля 5 поступилъ и былъ тогда, въ чинѣ статскаго совѣтника, товарищемъ министра Удѣловъ, генераль-прокурора, потомъ оберъ-прокуроромъ сената 3 департамента на мѣсто Козодавлева. Я проводилъ у него пріятнѣйшіе вечера, и веселился тонкостями его остроумія, до его отставки въ 1799 году, съ чиномъ тайнаго совѣтника; впоследствии онъ былъ министромъ Юстиціи. Я видѣлся съ нимъ въ

Москвѣ по первой его отставкѣ, въ 1803 году у Мясницкихъ воротъ, по второй въ 1827, въ его домѣ съ садомъ за Никитскими воротами. Въ первомъ разѣ я осуждалъ его за нѣкоторыя эпиграммы; а конецъ *Каррикатуры* онъ передѣлать отказался: потому что въ ней написалъ сущую сосѣдную быль; во второмъ благодарилъ его за данный образецъ сокращенія себя въ послѣднемъ изданіи своихъ сочиненій, сожалѣя впрочемъ, что оно слишкомъ было строго.

3. Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, о которомъ выше было упомянуто. При должности Оберъ-прокурора, ему поручено было составленіе по герольдіи гербовника дворянскихъ родовъ, и за первую часть пожалованы ему 5000 десятинъ земли. Въ послѣдствіи онъ былъ Сенаторомъ и Директоромъ герольдіи, а въ тяжкое время континентальной системы Наполеона Министромъ Внутреннихъ дѣлъ.

4. Дмитрій Ив. Хвостовъ, Оберъ-прокуроръ въ сенатѣ и потомъ въ св. синодѣ. Ставъ знакомъ у него, я имѣлъ участь выслушивать въ кабинетѣ до обѣда новыя его стихотворенія и переводы; а въ чтеніяхъ бывало у насъ не безъ замѣчаній. — Гдѣ были вы сегодня, спросилъ меня Дмитріевъ, на другой день Рождества вечеромъ, возвратившійся изъ англійскаго клуба. — Обѣдалъ у Дмитрія Ивановича. — Вѣрно читалъ вамъ что нибудь? — Прочиталъ свой переводъ Рѣчи Дагессо и Оду. — Какъ вы нашли Оду? — Звучна; только я замѣтилъ, что первую строфу лучше было бы поставить послѣ второй и третей. — О! вы объ этомъ не заботьтесь. У него не только люблю строфу, но каждый стихъ гдѣ хотите поставьте, то все равно. — А далѣе? — Не все мнѣ нравилось, и много лишняго. Но насъ другой разъ позвали къ столу; и это помѣшало дочитать Оду. — Хвостовъ по женѣ, племянницѣ Суворова, княжнѣ Горчаковой, причитался ему въ родствѣ. Суворовъ, воротаясь изъ Швейцаріи, больной, жилъ и умеръ въ его домѣ, по улицѣ къ новому рынку, лицомъ на Сѣнную площадь. Тамъ на переходѣ, въ залѣ, я видѣлъ и слышалъ великаго полководца; и какъ онъ отъ Сардинскаго короля за возвращеніе Піемонта, получилъ признаніе своимъ родственникомъ,

cousin, то по смерти его, Хвостовъ у короля, какъ родственникъ, испросилъ себѣ титулъ графа.

5. Знаменитый политехникъ Алексѣй Николаевичъ Оленивъ, примѣтный и весьма малымъ ростомъ, бывшій послѣ Дмитріева Оберъ-прокуроромъ 3-го департамента, былъ потомъ Государственнымъ Секретаремъ Совѣта, и наконецъ Президентомъ Академіи художествъ; бойкій эмпиристъ. Проектовъ его виньеты къ сочиненіямъ Хемницера, Державина, кажется и Дмитріева.

6. Контръ-адмиралъ Шишковъ, Александръ Семеновичъ, впоследствии, съ 1812 года, послѣ Сперанскаго, Государственный Секретарь, передъ Оленинымъ, и потомъ Министръ просвѣщенія, страстный филологъ своего языка и корнесловъ. Въ идиллическомъ разсказѣ его о Сициліи, на вопросъ мой о разностяхъ южной и сѣверной стороны острова, онъ сдѣлалъ живое, плѣнительное описаніе Палермо.

7. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, съ длинною лентою Владиміра на шеѣ, членъ комиссіи народныхъ училищъ, Янковичъ, вызванный изъ Сербовъ для заведенія тѣхъ училищъ въ Россіи.

8. Шевалье Гогаръ, изъ наплывшаго множества французскихъ эмигрантовъ.—По взятіи Варшавы въ 1794 году, привезенная Залусская библіотека, поступила въ вѣденіе кабинета. Начальникомъ кабинета былъ тогда Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Василій Степановичъ Поповъ, бывшій правителемъ дѣлъ у князя Григорія Александровича Потемкина. Онъ директоромъ библіотеки опредѣлилъ изъ давнихъ же Университетскихъ Надворнаго Совѣтника Михайла Ивановича Антоновскаго, родомъ изъ Шаповаловки за Батуриномъ. Но Императоръ Павелъ на мѣсто Попова опредѣлилъ эмигранта, изъ Цареградскаго посланника, графа Шоазель-Гуфье, а отъ него поручена библіотека Шевалье Гогару, весьма незаботливому, какъ говорили, блюстителю цѣлости.— Въ жизни Антоновскаго много замѣчательнаго, и особенно то, что состоя у Адмирала, графа Ивана Григорьевича Чернышева Генеральсъ-Адъютантомъ, съ нимъ сопровождалъ онъ Великаго Князя Павла Петровича, какъ Генераль-Адмирала, въ Европейскомъ путешествіи.

9. Часто бывалъ другой эмигрантъ, Пикарь, лице темное, по-

хожъ на жирондиста, уменъ, говорилъ красно и нашель приемы въ домахъ.—При бытности у Шувалова сестры, племянницы, стороннихъ двухъ лицъ, доктора и меня, по связи разговора, Пикарь произнесъ колкую шутку о К. Н. Б. Шуваловъ оговорилъ ее выразительно; и на продолженіе того же замѣтилъ рѣзко, чтобъ такихъ рѣчей не говорилъ нигдѣ. Но когда Пикарь захотѣлъ поддержать правдою свою остроту, Шуваловъ вспылилъ и грозно погналъ его: бродяга, смѣлъ ты передо мною поносить вельможу, въ обществѣ, которое пригрѣло тебя! Вонъ изъ моего дому, вонъ! Тихо, съ извиненіями, отступалъ Пикарь къ дверямъ, и долженъ былъ удалиться. На умоленія сестры, племянницы и гостя, разгнѣванный отвѣчалъ: Jacobin!—слово бывшее тогда браннымъ,—онъ можетъ похвалиться, что говорилъ это у меня. Уступивъ однако совѣтамъ и просьбамъ, велѣлъ воротить его съ низу, и перекрестясь, далъ вразумительную гонку.

10. Но я всегда бывалъ болѣе доволенъ, когда находилъ Шувалова однимъ, или почти однимъ. Тогда онъ охотно раскрывалъ, кажется, самъ передъ собою картины своей жизни. Мнѣ оставалось придавать связи, и какъ бы подкладывать дрова.—Прошло тому 53 года. Многое конечно въ памяти, какъ листъ и цвѣтъ, облетѣло, но что могу вспомнить, твердо знаю. Сущность его была въ томъ, говорю безъ натяжки, говорю разомъ, что онъ созданъ любить и возводить умъ во всехъ видахъ.

11. Сколько могъ я замѣтить, кажется онъ имѣлъ особія отношенія въ Смоленской губерніи. Я видалъ у него и у княгини бывшаго тамъ Губернатора съ семействомъ и другихъ оттуда пріѣзжихъ. Оттуда же онъ имѣлъ секретарями изъ университетскихъ, Можайекаго, переводчика Сельскихъ ночей, и потомъ Людоговскаго, бывшаго тамъ послѣ директоромъ училищъ.—Пожалѣть надобно, если они, имѣя годами личные и по должности способности, не оставили объ немъ, по крайней мѣрѣ у себя, подробныхъ свѣдѣній.

12. Въ раннихъ годахъ славы Шувалова, при Императрицѣ Елисаветѣ, лучшее мѣсто занимаетъ Ломоносовъ. Съ нимъ онъ составлялъ проектъ и уставъ Московскаго университета. Ломоносовъ тогда много уюствовалъ въ своихъ мнѣніяхъ, и хотѣлъ

удержать вполнѣ образецъ Лейденскаго, съ несовмѣстными вольностями. Судили и о томъ, у Красныхъ ли воротъ къ концу города помѣстить его, или на срединѣ, какъ и принято, у Воскресенскихъ воротъ; содержать ли гимназію при немъ, или учредить отдѣльно; предпочтено первое, обоє по своимъ причинамъ и проч.

13. Того же времени соперникомъ Ломоносова былъ Сумароковъ. Шуваловъ часто сводилъ ихъ у себя. Отъ споровъ и критики о языкѣ они доходили до преимуществъ съ одной стороны лирическаго и эпическаго, съ другой драматическаго рода, а собственно каждый своего, и такія распри опирались иногда на приносимыя книги съ текстами. Первое, въ языкѣ, произвело его задачу обоимъ, переводъ Оды Жанъ-Багиста Руссо на счастье; по второму Ломоносовъ рѣшился написать двѣ трагедіи. Въ спорахъ же чѣмъ болѣе Сумароковъ злился, тѣмъ болѣе Ломоносовъ извиль его; и если оба не совсѣмъ были трезвы, то оканчивали ссору запальчивою бранью, такъ что онъ высылалъ или обоихъ, или чаще Сумарокова. Если же Ломоносовъ запесется въ своихъ жалобахъ, говорилъ онъ, то я посылаю за Сумароковыми, а съ тѣмъ, ожидая, заведу рѣчь объ немъ. Сумароковъ услышавъ у дверей, что Ломоносовъ здѣсь, или уходитъ, или подслушавъ, вбѣгаетъ съ крикомъ: не вѣрьте ему, Ваше Превосходительство, онъ все лжетъ; удивляюсь, какъ вы даете у себя мѣсто такому пьяницѣ, негодяю. — Самъ ты подлець, пьяница, неучъ, подъ школой учился, сцены твои краденныя! — Но иногда мнѣ удавалось примирять ихъ, и тогда оба были очень пріятны.

14. Какая причина, спросилъ я, что Ломоносовъ, принявши въ образецъ Энеиду, остановилъ свою поэму на двухъ пѣсняхъ? Я заставилъ его только сдѣлать этотъ опытъ для Императрицы. Онъ много видѣлъ матеріаловъ для себя въ дѣлахъ и мѣстахъ, но и самъ былъ много занятъ, и время для фантазіи было очень близко. — Лучшаго сколько-нибудь успѣха ожидалъ я, вызвавъ его написать Россійскую Исторію въ хорошемъ слогѣ, для чего были передъ нимъ лѣтописи и комментаріи. Сдѣлавъ начало медленно, сталъ онъ ссылаться мнѣ на свои развлеченія, нужды, бѣдность. Чтобъ ободрить его, я взялъ его съ собою въ Царское село. Онъ

описалъ въ стихахъ Славянку. Я выпросилъ у Императрицы ему деревушку въ 40 душъ за Ораніенбаумомъ. Но какъ засѣлъ онъ тамъ, такъ и пропалъ.

15. При дворѣ Елисаветы Шуваловъ былъ уважаемъ наслѣднимъ Принцемъ и Принцессою, которыхъ бракъ воспѣтъ въ Одѣ Ломоносовымъ. Но за смертію Государины, онъ скоро испросилъ отпущекъ за границу, и такъ долго пробылъ тамъ, по восшествіи на престолъ Екатерины, что былъ ею вызванъ ко двору. — Онъ жилъ въ Италіи и во Франціи, проѣздомъ былъ въ Швейцаріи. Рассказывая объ нихъ временами, о лицахъ, о характерахъ и художествахъ любопытныя подробности, онъ замѣтилъ черты:

1. Италія есть такая сторона, гдѣ, чтобъ быть виднымъ, надобны большія деньги. Въ Парижѣ можно проживать много, не будучи примѣтнымъ, и можно быть виднымъ съ скромными расходами.

2. Въ Италіи содержится большой классъ прислуги, иные и хорошо одѣты. Уроните ли перчатку или платокъ, не успѣете поднять, вамъ подадутъ. Надобно ли пустое, что въ рукахъ понести, за вами будетъ готовый слуга. Входите ли въ домъ, подбѣгаетъ щеточникъ, который очиститъ вамъ платье и башмаки. Для того надобно всегда носить въ карманѣ запасъ мѣлкихъ денегъ.

3. Въ Парижѣ такая стихія чванства высокаго и мѣлочнаго, важнаго и пустаго, что не разойдешься съ нимъ. — Нанятой поваръ, Флѣре, или Форле, когда пріятели мои, званные къ обѣду, просили показать имъ русскія блюда, отказался подать на столъ жаренаго гуся. — Весь свѣтъ знаетъ, что у москвѣ Шуваловъ поваръ Флѣре, и подаль на столъ жаренаго гуся, Флѣре пропалъ. — Да я хочу! — Извините меня, или отпустите. — Мой поваръ между тѣмъ, дѣлая кислоти, какія у меня, нажилъ хорошія деньги.

4. Энциклопедисты пользуются уваженіемъ только по ихъ личностямъ, и проч.

16. Шуваловъ прожилъ въ Фернеѣ у Вольтера до двухъ недѣль, послѣ чего много убыло его уваженія къ нему. — Временные посѣтители очень часто у него бывали, напередъ запасаясь, чѣмъ занять его. Явился одинъ Нѣмецкій графъ, и на вопросъ, какая его часть, похвалился, что онъ знаетъ пять языковъ. Это,

сказалъ Вольтеръ, имѣть много ключей къ одному замку : *C'est avoir plusieurs clefs pour une même serrure*. Какое же употребленіе даете вы вашимъ языкамъ?—Я говорю на всѣхъ и проч.—Случалось, что онъ среди разговора посѣтителей останавливался. Голова у меня болитъ, говорилъ онъ, пойду стихи писать, и съ тѣмъ уходилъ.—Въ кабинетѣ у Шувалова я видѣлъ нѣсколько подлинныхъ писемъ Вольтера къ нему, переплетенныхъ въ 4°. Вопили ли они въ изданіе Кондорсего, въ которомъ письма занимаютъ 18 томовъ 8°, не знаю.—Однажды при входѣ нашелъ я его на чтеніи.—Вотъ какъ я не люблю его, бестію, сказалъ онъ, положи книгу, а пріятно пишетъ. Я подошелъ взглянуть, о комъ говоритъ онъ. Это *Essai sur les mœurs etc.* Разговоръ началъ онъ мѣстами, на которыхъ остановился. Говоря о взглядахъ Вольтера въ этой книгѣ на исторію, я припомнилъ сказанное объ немъ : *Il lit un livre et puis il le fait*.—Это очень вѣрно замѣчено, сказалъ Шуваловъ.

18. Нельзя не задуматься, глядя у него на большую картину хорошей живописи съ натуры, видъ Швейцарскихъ горъ, гдѣ явленно на высотахъ изображена повисшая надъ глубокою пропастью карета его, которую поддержалъ только плечами представленный тамъ огромный его гайдукъ, тотъ самый камерлакей, старикъ съ пенсією, который вседневно, безотлучно сидитъ въ портретной залѣ.

18. Возвратясь въ Россію, онъ бывалъ въ частныхъ бесѣдахъ Императрицы Екатерины.—Въ вечернемъ кругу, говорилъ онъ, рѣчь зашла о недостаткахъ частнаго ученія. Я разсказалъ свой случай, какъ нѣкогда выписалъ для Кадетскаго (или Пажескаго) корпуса восемь французовъ лакеями у кадетовъ, и скоро всѣ они разошлись учителями по домамъ—Князь Потемкинъ произнесъ, что одного университета мало для Россіи.—Удивительно однако, отозвался графъ Завадовскій, какъ начальникъ и ревнитель нормальныхъ училищъ, что и Московскій университетъ, какъ существуетъ, не произвелъ ни одного ученаго въ славѣ.—Даромъ, ваше превосходительство, отнесся ко мнѣ князь Потемкинъ, что вы меня за наказаніе выгнали изъ университета; а я не перестану быть ему благодарнымъ, и своимъ Поповымъ изъ него весьма

доволенъ.—Какъ, князь, сказала Государыня, васъ выгнали?—Точно такъ, отвѣчалъ Потемкинъ, изъ его гимназія.—Я смѣшался, и прибавилъ только, что я этого не помню.—Государыня выговорила ко всѣмъ: ученость сама себя знаетъ, когда и какъ происходитъ; но для меня и то уже много, что съ тѣхъ поръ, какъ изъ университета люди вошли въ дѣла, я стала понимать приходящія бумаги.—Дѣйствительно было за тѣмъ объявлено намѣреніе учредить университеты въ Екатеринославѣ и Нижнемъ Новѣгородѣ.

19. Въ послѣдніе годы тоже Государыня повела рѣчь о безпокойствахъ отъ Черкесовъ, и предложила вопросъ, какими средствами усмирить ихъ? Одни полагались на войну и страхъ, другіе ка кроткія мѣры. Она то и другое находила безуспѣшнымъ, и поставила возможнымъ одно средство, въ торговлѣ и роскоши, когда они полюбятъ мягкую жизнь.—Однажды утромъ ѣдучи во дворецъ, обошелъ я гостинный дворъ, и видя въ продажѣ по лавкамъ много портретовъ Государыни, страшно безобразныхъ, нарочно купилъ одинъ и взялъ съ собою.—Что это у васъ, Иванъ Ивановичъ? спросила Государыня.—Узнавайте, Ваше Величество.—Ахъ, Боже мой! это я? и тотчасъ велѣла Оберъ-Полицмейстеру, какіе въ лавкахъ есть безобразные портреты ея, всѣ искупить и сжечь, а впредь за тѣмъ наблюдать.—Забавна и ранняя встрѣча его съ Государынею въ дальней галлерей дворца, откуда виденъ запасный ея дворъ съ анбарами, наполненный людьми.—Вы удивляетесь, что меня здѣсь встрѣтили!—Я не могъ ожидать.—Мнѣ захотѣлось поглядѣть на свое хозяйство, и проч.—Не вычисляю всего, и сказаннаго довольно.

20. Въ разговорѣ и разказахъ онъ имѣлъ рѣчь свѣтлую, быструю, безъ всякихъ приголосковъ. Русскій языкъ его съ красивою обдѣлкою въ тонкостяхъ и тонахъ. Французскій онъ употреблялъ, гдѣ его вводили, и когда по предмету, хотѣлъ что сильнѣе выразить.—Лице его всегда было спокойно поднятое, обращеніе со всѣми упредительное, веселовидное, добродушное.—На первыхъ временахъ моихъ весною, при выходѣ изъ церкви отъ обѣдни, онъ нѣчто сказалъ мнѣ, что заставило меня слѣдовать за нимъ по галлерей съ библіотекою. Тутъ онъ позволилъ мнѣ, поль-

зоваться изъ нее книгами.—Въ кабинетѣ замѣтивши взглядъ мой на дорожную картину Рафаэлева Преображенія, величиною въ аршинъ, онъ разсказалъ объ ней и гдѣ и какъ ему досталась.—Усѣвшись въ гостинной, онъ обратилъ рѣчь на мистику, и сослался на послѣднее мнѣніе К. Н. В. Р., что она сколько суетна, столько ненужна. Тѣмъ казалось онъ кончить. Однако, чтобъ не разомъ отстать, я прибавилъ исторически нѣсколько словъ, что и его заняло, о введенныхъ господствующихъ числахъ.—О картахъ онъ отзывался презрительно; и какую прежде велъ игру, по обычаю, говорили, что онъ содержалъ проигрышъ не болѣе 500 р. за разъ.—Столъ любилъ умѣренный и яствы мягкія, что и по лѣтамъ было. Я замѣтилъ, что ему нравился печеный картофель, при ананасахъ на столѣ. Любилъ очень, говорятъ, и грибы, что напоминаетъ письмо Ломоносова въ стихахъ: спасибо за грибы, челомъ за ананасъ.

21. Случалось, что мы до обѣда, но чаще послѣ обѣда выходили въ большую гостинную, съ вывезеннымъ изъ Неаполя мраморнымъ каминомъ. На каминѣ стояли двѣ древнія статуйки бѣлаго мрамора, величиною до двухъ футовъ. Разъ я заглядѣлся на нихъ.—Эти статуйки дорого мнѣ стоятъ, сказалъ онъ. На ожидающій мой видъ онъ продолжалъ: послѣ моего возвращенія въ первые годы, съѣздивъ я въ свою новую деревню. Тамъ передъ окнами дому, мало на искось открывался прекрасный видъ за рѣкою. Пологостью къ ней опускается широкій лугъ, и на немъ косятъ. Все утро я любовался видомъ, и потомъ спросилъ у своего интенданта, какъ великъ этотъ лугъ?—Онъ большой, говоритъ, указывая въ окно, по тотъ лѣсъ и за тѣ кусты.—Сколько тутъ собирается сѣна?—Не могу доложить; онъ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго такъ подходитъ къ намъ.—Чужое въ глазахъ такъ близко, подумалъ я; и лугъ остался на мысляхъ. Я выбралъ время, послалъ къ графу съ предложеніемъ, не уступить ли мнѣ, и какую назначить цѣну?—Скажите Ивану Ивановичу, отвѣчалъ графъ, что я имѣнія моего не продаю, ни большаго, ни малаго, а если онъ дастъ мнѣ тѣ двѣ статуйки, что у него на каминѣ, то я съ нимъ помѣняюсь.—Я подумалъ: лугъ такъ хорошъ, и подъ глазами; но буду ль я когда въ деревнѣ,—а-к

этимъ привыкъ, отдавши испорчу каминъ, и мысль свою оставилъ.

22. Въ августѣ того же 1797 года при домашнихъ и докторѣ говорилъ онъ о школахъ живописи въ Италіи. Художества онъ называлъ третьимъ ея владычествомъ.—На этомъ пришла ему охота, переглядѣть или показать въ двухъ большихъ картонахъ коллекцію эстамповъ. Въ нихъ огненно заняли меня двѣ большія картины. Одна Вандика : Время, въ видѣ крылатаго Сатурна, съ косою, у розовыхъ кустовъ, подъ утлымъ деревомъ лукаво держа въ рукахъ, обрѣзываетъ крылья печальному купидону, а лѣвою пятою позади толкаетъ отъ себя черепъ съ обрыва въ темное море, гдѣ тускло видится корабль на полныхъ парусахъ. Другая, смерть Германика : у мавзолея его Агрипина съ дѣтьми разнаго возраста, въ разныхъ выраженіяхъ печали. Глядѣлъ я и на другія и къ тѣмъ опять возвращался.—Что дохнуло при томъ на добрыйнаго старца?—Вамъ нравятся картины?—Я объяснилъ, почему нравятся.—Выберите себѣ одну.—Въ Германикѣ я видѣлъ развитое дѣйствіе земныхъ чувствъ, входилъ въ пораженіе семейства, въ коварство Тиверія и всю игру заговора изъ Тацита. Въ Сатурнѣ обнималъ душевную, безпредѣльную поэзію. Онъ эту изъ рукъ мнѣ подаль. Едва не рѣшился я поцѣловать его руку, воскликнувъ : о дорогая мнѣ память ! — Такъ возьмите, что больше на память, помолчавши, сказалъ онъ умильно.—Тамъ на стѣнѣ висѣли два антика, вывезенные изъ Рима, въ круглыхъ рамахъ, поперечникомъ вершковъ по пяти, выдѣланные въ профиль бюстами по верхъ толстаго стекла черезъ огонь, какъ перламутровые, Марсъ и Минерва.—Онъ взглянулъ на нихъ и указывая съ довольствомъ, снимите ихъ себѣ, сказалъ мнѣ.—Ваше Высокопревосходительство, снявъ и помедля, проговорилъ я судорожно, позвольте уже мнѣ оставить и какуюнибудь книгу вашей библіотеки. Онъ улыбнулся. Было ли тутъ все прилично, я не подумалъ. Въ поступкѣ моемъ я видѣлъ только его и себя.—Выберите книгу и скажите мнѣ.—Я поклонился, но не позволилъ себѣ думать о большихъ твореніяхъ, чтобъ не вредить Библіотекѣ, и въ добромъ желаніи не показать жадности. Нѣсколько книгъ уже изъ Библіотеки, какія больше тогда занимали, перебыло у меня за лѣто. Изъ трехъ бывшихъ на то время, я назвалъ послѣднюю, какую тогда

читалъ, по великой ея рѣдкости: Свифтову *le Conte du Tonneau*. Возмите себѣ. — Сказка о Бочкѣ, аллегорія, съ сатирическими картинами о трехъ западныхъ исповѣданіяхъ, съ прибавленіемъ войны древнихъ писателей съ новыми и проч. 2 тома, 12<sup>о</sup>, въ Гагъ 1741. — Все полученное въ даръ, книгу съ его гербомъ и вензелемъ, картину и антики я при себѣ сохраняю.

24. Послѣ того я былъ у него еще два раза и возвратилъ бывшія у меня книги. Онъ также былъ добръ, съ лицомъ свѣтлымъ, *vultu sereno*, и также разговорливъ. Замѣчательное изъ того было, на первомъ разѣ, о возвышеніи Университета, о Россійской Академіи, о домашнихъ библіотекахъ и картинныхъ галлерейхъ, особенно князя Бѣлосельскаго, графа Строгонова и князя Юсупова; на второмъ о выѣздахъ на лѣто, о подмосковныхъ деревняхъ, загородныхъ дачахъ и Римскихъ виллахъ. Мысли съ именами разливались, какъ рѣка межъ веселыхъ острововъ.

— Черезъ двѣ недѣли онъ принялъ меня по докладу, сидя въ спальнѣ, съ жалкимъ мутнымъ видомъ; и я скоро его оставилъ. Еще разъ я навѣдался, меня не приняли; опасно боленъ. — Въ Сентябрѣ Императрица Марія Феодоровна пригласила его къ обѣду въ Павловскъ. Возвратясь онъ ослабѣлъ и занемогъ, отъ безпокойства ли и простуды, или къ тому и отъ пищи. — Скончался въ Октябрѣ, не будетъ ли 12 числа.

25. При всемъ неистовствѣ сѣверной осени, Петербургской погоды, холода и грязи, умилительно было видѣть на похоронахъ, кромѣ великаго церемоніала, съѣзда и многолюдства, стеченіе всего, что было тогда въ Петербургѣ изъ Московскаго Университета, всѣхъ временъ, чиновъ и возрастовъ, и все то были, какъ онъ почиталъ, его дѣти. Всѣ его проводили. Памятникъ Ломоносова видѣлъ провозимый гробъ Мецената. Его похоронили въ Александровскомъ монастырѣ, въ малой Благовѣщенской Церкви. Служилъ Митрополитъ Гавріиль; надгробное Слово сказалъ извѣстный тогда витія, Архимандритъ Анастасій. Оно гдѣ-то есть у меня печатное. — Жизнь Шувалова достойна пера Плутархова.

26. Спусти первое время печали, чрезъ шесть недѣль, въ томъ же домѣ, я посѣтилъ сестру его, княгиню Голицыну. Она искренно пригласила меня, бывать у нее по прежнему. Я содержалъ это,

бывалъ только рѣже. Въ той же большой гостинной и столовой уже дамское общество взяло свой перевѣсъ. Изъ гостей, кромѣ родства, тамъ бывали эмигрантки. Въ нихъ особенно была отлична Графиня de Tarente, дама умная, свѣдущая, интересная, которой нещастіе изгнанницы придавало достоинство. Дочь княгини, Графиня Головина, любила говорить о сельской жизни, и въ описаніяхъ своихъ владѣній великолѣпно изобразила мнѣ Воротинецъ на Волгѣ. — Зимою пріѣзжалъ изъ Москвы къ матери кураторъ, Кн. Голицынъ, виновникъ первыхъ моихъ отношеній въ Петербургѣ, и не ослабилъ ихъ.

27. Памятенъ мнѣ нарядный столъ у княгини, на который я, по своему времени, нечаянно попалъ. Тамъ были Графъ Ростопчинъ, Вицеканцлеръ, Князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ, дѣверь княгини, и Графъ Головинъ, зять ея. Произошелъ большой разговоръ, для меня весьма замѣтный, о балансѣ доходовъ и расходовъ, судимыхъ категорически, отъ мала до велика. Жить, говорили, по доходамъ не возможно. Подражаніе и уравниеніе гонять впередъ. Вы увидите подлѣ себя челоуѣка съ маленькимъ состояніемъ, въ такомъ же сукнѣ, какое на васъ. Не всѣ же имѣютъ доходы, сколько ихъ надобно. Не всякій подымаетъ ихъ по расходамъ. — Мнѣ кажется однако, сказалъ другой, воля, какъ воля; все то дѣлаетъ своя неводержимая охота. — По этому Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ только счастливецъ, когда Государыня, представляя Императору Іосифу своихъ вельможъ, могла сказать объ немъ: Это у меня магнатъ, который старается весь вѣкъ разориться, но не можетъ. — Да, сказалъ еще другой, хорошо ему получая миллионъ доходу (тогда курсомъ на серебро); а я получаю всего 100 тысячъ, чѣмъ мнѣ жить! и пр.

28. Весною и лѣтомъ, когда княгиня выѣхала на дачу, по Петергофской дорогѣ, я находилъ времена, отправляться къ ней на праздникъ утромъ, или съ вечера, и проводить тамъ день съ окрестными прогулками. — Какъ-то собрались у нее сосѣдки, подали фруктовъ и дыню. Съ дынею, красивою, обходились такъ ошадно, съ такими прибавками, опасаясь вреда, что мнѣ жалко было глядѣть. — На моей родинѣ вздумалось мнѣ похвалиться, мы

сѣдаемъ одинъ по цѣлой днѣ.—Мнѣ подвинули тарелку съ нею; и я сталъ въ барышахъ за свою сатиру.

29. Осенью испыталъ я первую простуду въ жизни. Отъ остылыхъ ногъ, по обычаю того времени въ башмакахъ, за моимъ небреженіемъ, она бросилась на грудь. Сенатскій докторъ, лѣча порошками, лѣча упорно и долго, разстроилъ меня въ самомъ пищевареніи, до того, что обрекъ мнѣ наконецъ ѣхать весною на родимый воздухъ. Страшно мнѣ было такое отчаяніе.—Княгиня замѣтила у себя гостя, который зналъ меня, зналъ и о моей болѣзни, что такъ давно меня не видно; и на другой же день отыскалъ меня годовой ея докторъ, англичанинъ Симпсонъ. Онъ исправилъ ошибку лѣченія, новымъ благотвореніемъ Княгини.—Черезъ годъ или два, она съ Графомъ Головинымъ и его семействомъ отправилась за границу.

30. Какой это рядъ тѣней проходитъ въ очахъ,—лица, которыя дѣйствовали силами своими на волнахъ міра,—и дѣйствовали на меня! Все это покойники!—Какое кладбище!

31. Можетъ быть смертію Шувалова потерялъ и я что нибудь въ жизни. При всемъ томъ, гдѣ ни проходили пути мои, во всѣхъ должностяхъ, отъ начала до конца, я почиталъ себя баловнемъ службы.—Стоитъ замѣтить здѣсь и чудныя для меня встрѣчи въ послѣдствіи. Старшій сынъ мой, Николай, служа въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, вызванъ по себѣ на службу къ Начальнику комиссіи прошеній, Князю Александру Феодоровичу Голицыну; это сынъ моего Князя Куратора, мною видѣнный на возрастѣ. Я благодарилъ его за сына. Изъ горничныхъ дому того же Куратора случайно была няня у меньшихъ дѣтей моихъ. Теперь въ той самой связи дому, гдѣ начально я жилъ за пріѣздомъ, имѣетъ квартиру меньшій, одинъ мнѣ оставшійся, сынъ мой Василій.

---

*Примѣчанія къ Части 3;*

*§ 7. Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ.*

1. Что я называю рѣчь новаго моего начальника сахарною, то онъ подлинно былъ такъ снисходителенъ и пріятливъ. Не могу представить этого лучше, какъ выраженіемъ ученаго Евангелическаго Пастора въ Петербургѣ, бывшаго въ Московскомъ Университетѣ Профессоромъ Исторіи, Виганда За смѣною князя Куракина въ должности Генераль-Прокурора Княземъ Лопухиннымъ, въ Августѣ 1798 года, Вигандъ въ разговорѣ объ немъ отозвался, что отъ него пріятнѣе было услышать—нѣтъ, нежели отъ иного да.

2 Другая нравственная черта вельможи была, что онъ любилъ замѣчать, выводить и обзывать дѣловыхъ людей. И когда изъ упомянутой отставки его онъ вызванъ былъ Императоромъ Александромъ въ 1802 году, для опредѣленія Малороссійскимъ Генераль-Губернаторомъ, я съ восторгомъ видѣлъ, какъ зала его наполнялась съѣздомъ обязанныхъ ему выходомъ въ чинахъ и мѣстахъ, какъ добродушно осведомлялся онъ о каждомъ по роду его службы.

3 Примеръ случайности. Экспедиторъ канцеляріи Генерал-прокурорской Ст. С. К. столько имѣлъ знакомства въ домахъ, что князь охотно выслушивалъ его шутливые рассказы. Однажды принесъ онъ по докладу въ кабинетъ князю нѣсколько заготовленныхъ бумагъ. Князь замѣтя въ нихъ отлично красивый почеркъ, спросилъ, кто это писалъ?—Князь Алексѣй Борисовичъ.—Князь, по своему имени, оглянувшись на Экспедитора замѣчательно: Что вы!—Я докладываю Вашему Сіятельству, писалъ Князь Алексѣй Борисовичъ, въ канцеляріи вашей изъ университета Князь Д.—Князь велѣлъ его позвать—разпросилъ объ имени произхожденіи и состояніи. Узнавъ, что онъ состоянія малаго, имѣетъ мать престарѣлую, за вторымъ производствомъ, по его желанію далъ ему мѣсто Губернскаго Стряпчаго на родинѣ.

4. По должности Генераль-Губернатора князь предложивъ мнѣ мѣсто секретаря у себя, для чего Козодавлевъ, уже Сенаторъ, привезъ меня къ нему. Съверъ былъ мнѣ противенъ, и служба казалась пріятною; но я строился надругихъ-видахъ. Впрочемъ нѣсколько дней часто я отправлялъ у него первыя письменныя дѣла. Тогда онъ изъявилъ мнѣ желаніе: Я ѣду въ сторону для меня новую; составьте мнѣ краткую записку о Малороссіи. Я понялъ благовидную мысль начальника области и нашелъ приличнѣйшимъ, кромѣ хроники, дать Записку

форму путевую, *itinerarium* отъ Сѣвской границы на Глуховъ, Батуринъ, Нѣжинъ, Козелецъ, Переяславъ, Яготинъ, Лубны, съ указаніемъ побочныхъ.

5. При въѣздѣ въ Глуховъ, увидѣвъ, что среди города огромное великолѣпное зданіе малороссійской бывшей коллегіи ломали на второмъ этажѣ, онъ остановилъ работу, и по высочайшему утвержденію обратилъ нижній этажъ его въ три массивныхъ корпуса для присутственныхъ мѣстъ и уѣзднаго училища, полицейскую караульную, пожарную и погребя.

6. По возвращеніи изъ Петербурга въ 1803 году съ утвержденными докладами, онъ учредилъ уѣзды по 15-ти въ обѣихъ Губерніяхъ, Черниговской и Полтавской, наѣзжалъ широкія почтовые дороги двойными рвами по сторонамъ, съ посадкою аллей, устроилъ землебитные станціонные дома, распланировалъ города, бывшіе въ нихъ крѣпостные валы обратилъ въ бульвары, завелъ ремесленное училище, благопріятствовалъ торговлѣ.

7. Въ характерѣ онъ соединялъ важность съ пѣнтическими цвѣтами. Я видѣлъ съ 1803 года, какое принималъ онъ вниманіе ознакомишься въ дворянствѣ и знать отличныя лица поименно. Скоро понравился и простому народу, особливо послѣ той шутки, когда въ Крапивѣ проѣздомъ обошелъ ярмарку и подошелъ къ лавкѣ съ шапками, изъ нихъ надѣлъ одну на козака, другую на другаго; когда же стѣснился народъ къ нему, разкидалъ всѣ шапки въ толпу, и заплатилъ хозяину. Онъ былъ плотенъ, величавъ, красивъ, всегда наряженъ, окруженъ большою свитою. Это и болѣе привлекало къ нему на поглядѣнье. А въ вечернихъ обществахъ у него и у другихъ необходимъ балъ, чтобъ не танцевалъ и онъ любимую, въ видѣ кадрили, Горлицу. — Въ 1807 году онъ поступилъ Министромъ внутреннихъ дѣлъ. Былъ потомъ канцлеромъ Россійскихъ орденовъ. **И. Т.**

1850, Апр. 9.

Слободка Шостна,

она же Турановка.

# МОСКВИТЯНИНЪ.

1852.

№ 20.

Октябрь.

Кн. 2.

---

## ГИБЕЛЬ ИСПАНСКАГО КОРАБЛЯ

SANTA TRINIDAD A.

Изъ Байронова Донъ Жуана.

---

### I.

Корабль испанскій, *Santa Trinidad*,  
Съ богатымъ грузомъ въ портъ Ливорно плыль.  
Тамъ поселился съ давнихъ поръ Монкада,  
Испанскій грандъ, съ которымъ связанъ былъ  
Отецъ Жуановъ дружбою измлада:  
Къ нему-то нашъ изгнанникъ получилъ  
Письмо отъ друга, предъ своимъ отплытьемъ,  
Съ рекомендаціей и челобитьемъ.

### II.

Съ нимъ трое слугъ бѣжало съ береговъ  
Испаніи, да гувернёръ Педрильо.  
Ученый мужъ знатокъ былъ языковъ,  
Но тутъ лежалъ безъ языка въ безсилъ:  
Болезню страдая моряковъ,  
Онъ, лежа въ койкѣ, охалъ по Севильѣ;  
А брызги волнъ, летя въ каюту, въ трюмъ,  
Кропили койку, ужасали умъ.